

Непонятное качество, что-то в ее выражении его насторожило. Несмотря на разницу в возрасте, девушка вызвала у него тревогу, заставляла чувствовать себя явно беспокойно. Намек на ухмылку приподнял уголок ее рта, а ее бледно-зеленые, пронизательные глаза буравили его и создавали впечатление, что она способна распознать каждую грязную, подлую мысль, которая когда-либо приходила ему в голову. Он не знал ее хорошо; они никогда не были близки, пока она росла. Она была дочерью его брата.

"Ты в порядке, дядя Пэт?" - спросила она, разрывая зрительный контакт и бросаясь на диван в уверенном вихре волос куклы Барби и безупречной кожи. Она ярко улыбалась, олицетворяя собой невинность.

Патрик неловко переместился в своем кресле, переводя взгляд с ее ног на, казалось бы, идеальные сиськи в облегающей футболке. Неужели он неправильно истолковал интенсивность взгляда Кэрри мгновение назад? Он не мог не посмотреть на ее ноги, которые были обнажены до писка ягодиц в хрупкой и выцветшей мембране Daisy Dukes.

Патрик закрыл глаза, чтобы отгородиться от образа своей племянницы. "Э, да, только немного теплее, сегодня на улице душно".

Жидко и элегантно переставляя конечности, напоминая голливудских звезд 50-х годов, Кэрри раздвинула и снова скрестила ноги, привлекая внимание к длинным мышцам бедер, что показалось Патрику вялой и намеренной провокацией.

"Мы могли бы искупаться", - предложила девушка, откидывая длинные волосы с лица, прежде чем снова перевести свой обескураживающий взгляд на Патрика. "Мы могли бы подняться к пруду. Там тихо. Только мы вдвоем..." Она оставила предложение в подвешенном состоянии.

Патрик сглотнул, а девушка ухмыльнулась.

Пот струйками стекал по позвоночнику Патрика в его футболке.

Подтекст был непристойным: он был ее дядей, братом ее отца, но в глубине души Патрик осознавал, насколько желанной была его племянница, и в нем зашевелилась аппетитная и рептильная тоска.

Сонная муха - огромное мясистое существо - прожужжала в тишине, окутавшей пару, и, не обращая внимания на напряжение между Кэрри и ее дядей, с тупой целью прижалась к оконному стеклу, намереваясь, очевидно, вырваться на открытый воздух, чтобы увидеть буйство красок в саду снаружи, или нанести себе увечья при попытке.

Пожав плечами от дискомфорта и вытеснив плотские мысли из головы, Патрик хмыкнул и прочистил горло. "Я не уверен в этом, Кэрри. Я не думаю, что пруд слишком безопасен. Там могут быть сорняки..." Он внутренне поморщился, досадуя на свой напыщенный тон и на то, как бесхарактерно прозвучали его слова. Сорняки, он рассуждал о сорняках, а ведь он должен

был быть офицером Королевской морской пехоты, спецназа... Ладно, бывший офицер королевской морской пехоты, но все же...

Девушка рассмеялась, из ее уст вырвалось огромное количество насмешек. Патрик покраснел.

"Ты не хотел ехать на папином "Порше", потому что у тебя нет страховки, чтобы водить его", - ее пальцы зацепили кавычки, когда она говорила. "Ты на десять лет моложе моего отца, но ведешь себя так, будто ты его отец..." Глаза закатились, но потом, увидев пораженное лицо дяди, Кэрри осознала свой промах. "Извини, дядя Пи", - пролепетала она. "Я не думала..." Ее уверенный, откровенно сексуальный фасад исчез.

Патрик вздохнул; перед глазами возник образ человека, распростертого в сточной канаве; ноги согнуты под невозможными углами; из уха сочится какая-то жизненно важная жидкость; голова впалая и разбитая, как скорлупа вареного яйца. Патрик знал о физических травмах, видел их воочию, даже наносил зияющие раны врагам; он понял, что парень мертв, как только увидел распростертую, хромую марионетку. Разбитая фара была доказательством вины. Он вспомнил тест на алкотестере на обочине дороги, когда на фоне бесстрастных фасадов Оксфорд-стрит вспыхивали синие огни и собирались глазающие зрители. Затем последовали предупреждение, допрос, суд, суд присяжных и судья, выносящий приговор...

"Оно того не стоит, Кэрри".

Кроме скрежета и стука насекомого в окно, между ними воцарилась слоновая тишина.

Наконец девушка прервалась. "I ... Я не знаю, что сказать", - заикаясь, пролепетала она, опустив глаза на колени.

"Тебе нечего сказать, Кэрри".

Молчание снова затянулось. В конце концов Кэрри зашевелилась и, посмотрев прямо на дядю, улыбнулась и сказала: "Ну, я иду купаться, трава или не трава".

Патрик ничего не сказал, пока его племянница отворачивалась от дивана. Он слышал, как она поднималась по лестнице, и прислушивался к приглушенным ударам, когда она рылась в поисках солнцезащитных очков и полотенца. Он посмотрел на собаку, когда карие глаза животного медленно моргнули дважды. "Господи, Брилло, ты это слышал? Что ты об этом думаешь?" При упоминании его имени хвост собаки дважды дернулся, а веки медленно закрылись, и животное снова погрузилось в дремоту. У Брилло явно не было своего мнения по поводу морали; плавать или не плавать - ему было все равно. Муха, в своей собственной маленькой вселенной тупого диптерана, тоже не давала никаких комментариев, жужжа и стуча по оконному стеклу.

Шаги на лестнице означали спуск Кэрри.

Ее светловолосая голова показалась из-за двери. "Уверена, что не могу тебя соблазнить?" - предложила она.

"Г... Нет, спасибо, Кэрри, но..."

Его племянница уставилась на него, снова глядя на дядю своими зелеными глазами. Ее язык влажно двигался по губам... Это было намеренно? задался вопросом Патрик. "Какая жалость", - пробормотала девушка, удерживая взгляд Патрика еще несколько заманчивых секунд. Затем она разрушила чары. "Давай, Брилло", - ярко позвала она. При звуке своего имени лохматый лурчер вылез из прохладного тенистого места под окном. Потянувшись, он широко зевнул, а затем последовал за девочкой своей пружинистой походкой на цыпочках.

Патрик вздрогнул, когда входная дверь захлопнулась.

Он остался один, вот так, без мухи.

После нескольких минут разглядывания стены он вздохнул и, не в силах больше выносить неутомимый гул и стук, открыл окно и выловил наружу насекомое размером с виноградину. Тварь улетела, темная и тяжелая, как вертолет "Апач", оставив Патрика вытирать пот с лица, размышлять о недавнем прошлом и заикливаться на своей кокетливой племяннице.

***

Патрик не помнил, как вставал, поднимался по лестнице или шел по коридору к двери спальни Кэрри. Снаружи, через открытое окно, он слышал звуки сельской местности: щебетание скворцов, воркование и ухаживания пары гнездящихся древесных голубей, доносившиеся из водосточной трубы по мере того, как полдень переходил в вечер. Дуновение ветра колыхало желтые занавески, но внутри дома царил заговорщическая тишина. Заглянув в комнату, он увидел типично хаотичный набор косметики на комод, не заправленную и смятую двуспальную кровать, шорты и сапоги для верховой езды, разбросанные в углу...

Патрик замешкался, осуждая себя за то, что, как он знал, собирался сделать. "Я не должен быть здесь", - пробормотал он. "Что, по-твоему, ты делаешь? Прекрати это, прекрати сейчас же". Тем не менее, несмотря на внутреннюю борьбу, бессильный сопротивляться, он все же сделал последний, бесповоротный шаг нарушителя. Вдыхая тягучий запах племянницы, его взгляд остановился на клочке ткани, лихорадочной ткани, выдаваемой за нижнее белье, и, не задумываясь, он поднял клочок и поднес его к носу. Первобытный слизняк, таившийся в глубине темных побуждений, выскользнул на поверхность, когда вождение раздулось, горячее и всепоглощающее. Его член мгновенно напрягся в порыве страстного желания, заставившего его громко задышать. Желание заглянуть в укромные места девушки было непреодолимым, и, не зная, что он, безумный и обезумевший от похоти вор, ищет, он в отчаянном порыве открывал один за другим ящики.

"О... черт", - застонал он, обнаружив находку.

Из гнезда нижнего белья на Патрика смотрел порнографический журнал с откровенными фотографиями седовласых мужчин и полногрудых девушек. Рядом с развратной публикацией лежал неприлично длинный и толстый резиновый пенис. В своем воображении Патрик представил, как его племянница, обнаженная и извивающаяся на кровати, мастурбирует искусственным фаллосом, глядя вытаращенными глазами на фотографии, облизывая кончик указательного пальца, листая страницы. Он представил себе ее плоский и безупречный живот, напрягающийся от усилий достичь кульминации, когда она трахает себя, и увидел ее лицо, искаженное экстазом, плотно зажмуренные глаза, а из ее горла вырываются стоны и стоны наслаждения. Патрик облизал губы, тяжело сглотнул и представил, как половые губы Кэрри прижимаются к обхвату предмета в его руке. Он осторожно понюхал фаллоимитатор, а затем, когда стыд обжег его щеки, а похоть бурлила в животе, не в силах остановиться, он лизнул выпуклый купол и представил, что чувствует вкус сущности девушки.

Какова была бы реальность? Как бы она ощущала вкус между ног, когда ее половой орган надувается и истекает желанием? Какова была бы ее кожа под его пальцами? Стонала бы она, вздыхала и умоляла его лизать ее; ее дядя...

Огромный хрип сопровождал эякуляцию Патрика. Стоны вырвались из него, когда семя хлынуло из его члена, и он попытался, в тщетной борьбе, как оказалось, остановить бурлящее излияние стрингами Кэрри.

О, Боже, божественное освобождение! ... Да!

Рептильное желание, временно удовлетворенное, скользнуло обратно в грязь, в то время как виноватое беспокойство опустошило желудок Патрика и угрожало рвотным потоком в его горле. Он должен был выбраться из ее комнаты, должен был собрать все, как было, должен был снова все исправить и уйти. Он никогда не мог позволить себе сделать это снова. Это было неправильно, так неправильно... И тут, к своему ужасу, он увидел длинные брызги спермы, размазанные по странице журнала Кэрри. Он судорожно вытер пятно намокшим нижним бельем девушки, которое все еще сжимал в одной руке. Это было бесполезно, напрасные усилия, страница была смята и явно повреждена - след его постыдного проступка.

Как мог, с нарастающим страхом, Патрик поспешил загладить следы своего визита. Он убрал в карман нижнее белье Кэрри, но не в качестве сувенира, а потому что оно было влажным и липким от его остатков и, если бы он оставил его, послужило бы еще одним признаком незаконного проникновения. Он засунул резиновый член и журнал обратно в их убежище среди пеленок и кружев. Стыдясь и терзаемый предчувствиями, он пополз прочь из комнаты Кэрри и от места своего вторжения.

***

Вечер становился все прохладнее, тени удлинились. С бокалом виски в руке Патрик сидел в том же кресле, что и раньше, и обдумывал варианты. Открытие было несомненным: Кэрри ни за что не узнала бы о повреждениях. Она догадается о преступнике, поскольку подозреваемый может быть только один, но скажет ли она? Захочет ли она, чтобы отец узнал о личных вещах, которые она хранила в ящике стола? Патрик так не думал, есть вещи, о которых девушка не

хотела бы, чтобы знал ее старик; ей могло быть девятнадцать, но позор, когда отец узнает о таких вещах...? Нет, Патрик был уверен, что его брат никогда не узнает об этом. А если Энтони все-таки узнает о его поступке, что тогда? Куда Патрику идти? Он не мог оставаться в коттедже, ему пришлось бы уехать, несмотря на долг, который Энтони был ему должен; стыд за это вбил бы клин в их отношения, некоторые вещи, некоторые преступления невозможно вернуть. Чувство вины скрутило Патрика. Энтони и так был более чем щедр, открыв свой дом для брата после освобождения Патрика из тюрьмы; и чем он отплатил за доброту?

Патрик подскочил, когда за ним захлопнулась дверь.

"Ты должен был подняться, дядя Патрик", - обрадовалась Кэрри. "Там не было злых сорняков, которые могли бы утащить меня под воду", - продолжала она, поддразнивая дядю. "Пруд был божественным".

Потрепанный Брилло, с его матовой бородой и грязной шерстью, похожей на хорошо использованную серо-металлическую чистящую подушечку, за что он и получил свое имя, отправился на кухню, всегда оптимистичный, в поисках объедков.

Длинные волосы Кэрри влажными крысиными хвостами свисали до плеч, зубы ярко сверкали, когда она улыбалась дяде. Вид грудей племянницы, переливающихся через лифчик бикини, вызвал у Патрика внутренний стон. Он закрыл глаза от искушения поглазеть на ее тело, пышущее плодородием молодости, хотя и с закрытыми глазами Патрика потом мучили фантастические образы Кэрри, мастурбирующей с резиновым членом.

"В другой раз, Кэрри", - пробормотал Патрик, сделав глубокий глоток виски. "Может быть, завтра". Он снова глотнул напиток.

<http://erolate.com/book/2293/59847>